

13-18

Корпус параллельных текстов и литературный перевод

РЕФ

В статье представлены предварительные итоги исследования, осуществляемого в рамках проекта "Корпус Австрийской академии" (Austrian Academy Corpus — AAC). Это исследование посвящено роману Ф. М. Достоевского "Идиот" и его переводам (их имеется 20) на немецкий язык. В создаваемом в ходе проекта параллельном корпусе исходный и переводной текст выравниваются по предложениям. Базируясь на данных этого корпуса, автор обсуждает особенности различных переводческих стратегий.

Корпусы параллельных текстов в принципе представляют собой важный инструмент для изучения как филологических, так и собственно лингвистических проблем. Использование параллельных корпусов позволяет, например, найти точные переводные эквиваленты для каждого слова и выражения в конкретных контекстах, причем все значимые факторы, обусловившие выбор того или иного способа перевода, могут быть изучены на аутентичном текстовом материале. К подобным факторам относится синтаксическое окружение данного слова, его функция в структуре дискурса, а также коммуникативно-прагматические условия его употребления. Исследование лексических параллелей на значительном по объему аутентичном текстовом материале дает возможность пересмотреть многие из традиционных положений контрастивной лингвистики и двуязычной лексикографии. Что касается решения литературоведческих и культурологических задач, корпусы параллельных текстов позволяют, например, проследить историю восприятия того или иного художественного текста другим языковым и культурным сообществом. Систематическое сравнение тех или иных единиц и структур языка в выровненном корпусе параллельных текстов также важно и для теории перевода.

Данная работа представляет предварительные результаты исследования, осуществляемого в Австрийской академии наук в Вене в рамках проекта "Корпус Австрийской Академии" (Austrian Academy Corpus — AAC) подробнее о проекте см. [1]. Речь идет о создании и использовании для решения определенных задач Русско-немецкого корпуса, основанного в своей "пилотной" фазе на романе Ф. М. Достоевского "Идиот" и его немецких переводах. Существует более 20 переводов этого романа на немецкий язык (*Приложение*); таким образом, материал, представленный в корпусе, дает возможность не только изучать стандартные лексические и синтаксические соответствия между двумя языками, но и анализировать путем сопоставления различных переводов принципы, лежащие в основе той или иной переводческой стратегии.

Глобальную задачу, решению которой должно способствовать данное исследование, можно сформулировать как поиск ответа на вопрос о способах достижения адекватности в художественном переводе. Если исходить из того, что особенности авторского словоупотребления, а также особенности норм словоупотребления соответствующей эпохи являются важной составляющей художественного текста, естественно предположить, что перевод этого текста на другой язык должен в максимальной степени стремиться к сохранению данных особенностей. В противном случае перевод сведется

к пересказу сюжета оригинала средствами другого языка.

В первой части работы мы кратко опишем основные особенности нашего корпуса параллельных текстов, а во второй — изложим предлагаемые здесь принципы анализа различных переводческих стратегий.

Из доступных переводов "Идиота" для включения в корпус отобраны три: два последних по времени — перевод Хартмута Хербота (1986 г.) и Светланы Гайер (1996 г.), а также перевод Э. К. Разин (псевдоним Элизабет? Керрик), изданный в начале XX в. и затем многократно переиздававшийся (работа над этим компонентом корпуса еще не закончена). Его последняя переработанная версия (1959 г.) продолжает переиздаваться и до сих пор, несмотря на существование современных переводов. Переводы Хербота и Гайер интересны как (весьма различные) образцы современного прочтения романа. Перевод Разин выбран для включения в корпус как наиболее повлиывший на восприятие произведений Достоевского в немецкоязычных странах. Именно на переводы Разин ссылается, например, Зигмунд Фрейд в своей известной работе "Достоевский и отцеубийство".

Каждый из переводов последовательно согласовывался с оригиналом на уровне отдельных предложений. Выравнивание только на уровне абзацев (представляющее в принципе вполне допустимый способ выравнивания сопоставляемых текстов) в данном случае привело бы к неудовлетворительным результатам, поскольку средняя длина абзаца в романе весьма значительна. Таким образом, основная задача, которую предстояло решить для адекватного выравнивания, состояла в разбивке текста на предложения по определенным принципам, единым для оригинала и переводов. Кратко остановимся на некоторых из этих принципов.

Поскольку разбиение текстов корпуса на предложения — чисто формальная задача, имеющая целью порождение единообразно выделенных обзорных фрагментов текста, принципы разбиения опираются не на результаты синтаксического анализа, а на формальные критерии, в первую очередь на пунктуацию. Такой подход представляется разумным и с точки зрения возможностей частичной автоматизации этого процесса. Соответственно, когда в дальнейшем мы будем говорить о границах предложения, это следует понимать в чисто техническом смысле, т. е. как границы выделяемых фрагментов текста, в целом сопоставимых с предложениями. Часто это синтаксические структуры, большие, реже — меньшие, чем предложение в обычном понимании.

Итак, в целом определение границ предложений ориентировалось на употребление точки, вопросительного и восклицательного знака (разумеется, кроме случаев употребления этих знаков в других функциях; ср., например, использование точки при сокращениях). Отметим сразу нестандартные случаи типа (1), где выделение в отдельное предложение стоящего после вопросительного знака словосочетания в *Швейцарии* неоправдано технически.

(1) <S>Это недавно меня один образчик такой поразил, случайно нашел, да еще где? в Швейцарии!</S>

Чисто формальным критерием в таких случаях оказывается использование строчной буквы после знака препинания, интерпретируемого в стандартных случаях как граница предложения.

Правила интерпретации таких знаков, как многоточие и двоеточие, оказываются более сложными. Поскольку многоточие может употребляться как внутри предложения, так и в его конце (ср. (2) и (3)), при постановке маркера границы предложения мы ориентировались на синтаксис.

(2) <S>-Но с тем чтобы непременно завязать ему салфетку на шею, когда он сядет за стол, — решила генеральша, — позвать Федора, или пусть Мавра... чтобы стоять за ним и смотреть за ним, когда он будет есть.</S>

(3) <S>-Напротив, даже очень мило воспитан и с прекрасными манерами.</S> <S>Немного слишком простоват иногда...</S> <S>-Да вот он и сам!</S>

Укажем на некоторые принципы интерпретации двоеточия. Если двоеточие не вводит прямую речь, оно не интерпретируется как пограничный знак, даже если следующая за ним структура является предложением; ср. (4). В текстах Достоевского встречаются и гораздо более сложные случаи. Ср., в частности, (5), где двоеточие вводит прямую речь, представляющую собой законченное высказывание, которое, однако, оказывается вложенным в другое предложение.

(4) <S>Оказалось, что и это было так: белокурый молодой человек тотчас же и с необыкновенною поспешностью в этом признался.</S>

(5) <S>Слушая его, черномазый несколько раз усмехался; особенно засмеялся он, когда на вопрос: “Что же, вылечили?” — белокурый отвечал, что “нет, не вылечили”.</S>

Один из базовых принципов разбиения текста на предложения в нашем проекте состоит в том, что при наличии вложенных структур (какова бы ни была их длина и степень синтаксической сложности) они не маркируются как отдельные предложения. Иными словами, мы строго придерживались линейного принципа разбиения текста. При всей своей условности этот принцип оказывается вполне удачным с точки зрения поставленных задач, обеспечивая членение сопоставляемых текстов на параллельные фрагменты. Для текста “Идиота” весьма характерны вложенные структуры различных типов. Часто речь идет о гибридных образованиях, которые по одним параметрам интерпретируются как прямая, а по другим — как косвенная речь. Ср. контексты (6) и (7).

(6) <S>Мне кажется, вы хотели спросить: точно ли я князь Мышкин? да не спросили из вежливости.</S>

(7) <S>На вопрос Настасьи Филипповны: “Чего именно от нее хотят?” — Топкий с прежнею, совершенно обнаженной прямою признался ей, что он так напуган еще пять лет назад, что не может даже и теперь совсем успокоиться, до тех пор пока Настасья Филипповна сама не выйдет за кого-нибудь замуж.</S>

В контексте (6) вложенная структура *точно ли я князь Мышкин* однозначно прочитывалась бы как косвенный вопрос, если бы не нетипичная постановка знаков препинания (вводящего двоеточия и завершающего вопросительного знака), которые характерны для оформления прямой речи. Отсутствие кавычек и строчная буква, с которой начинается первое слово вложенной структуры, опять-таки указывают на предпочтительность ее интерпретации как косвенного вопроса. Еще более запутанный случай находим в контексте (7). Вложенная структура “*Чего именно от нее хотят?*” графически однозначно оформлена как прямая речь, но употребление личного местоимения третьего лица *нее* столь же однозначно указывает на косвенный вопрос. По-видимому, обилие подобных структур в текстах Достоевского — неслучайное явление: они выполняют важную эстетическую функцию, более выпукло, нежели просто косвенная речь, передавая интонацию реплик диалога. Не исключено, что эту особенность художественных текстов Достоевского следует интерпретировать как проявление свойственной его стилю диалогичности (в понимании М. М. Бахтина). Определение лингвистического статуса подобных вложенных структур, являясь само по себе интересной задачей, вряд ли имеет отношение к проблемам построения корпуса параллельных текстов. Понятно, что для задач выравнивания параллельного корпуса достаточным оказывается выделение квазипредложений, как это показано в приведенных выше примерах.

Рамки данной статьи не позволяют тщательно проанализировать все случаи, потребовавшие принятия нетривиальных решений. Укажем лишь на проблемы, непосредственно важные для выравнивания. Достаточно часто границы предложений (в предлагаемом здесь понимании) не совпадают в оригинале и переводе. Так, контекст (5) был переведен Светланой Гайер следующим образом:

(8) <S>Der Dunkle grinste mehrmals beim Zuhören; und er lachte laut, als auf seine Frage: »Haben die's kuriert?« der Blonde antwortete:</S><S>»Nein, sie haben es nicht kuriert.«</S>

Фрагмент русского оригинала *белокурый отвечал, что “нет, не вылечили”* содержит гибридную структуру *что “нет, не вылечили”*, которую в соответствии с изложенными принципами естественнее интерпретировать как косвенную речь (несмотря на использование кавычек) и не выделять в отдельное предложение. В переводе Гайер соответствующее высказывание *»Nein, sie haben es nicht kuriert«* является по всем параметрам прямой речью и, следовательно, маркируется как отдельное предложение. Естественно, подобные несоответствия создают дополнительные трудности при выравнивании. В этих случаях программа, ориентирующаяся на разметку и на статистические ожидания относительной длины сопоставляемых предложений, сообщает о необходимости “ручного” вмешательства. Выравнивание подобных фрагментов осуществляется, таким образом, вручную

с помощью набора специальных опций, позволяющих сохранить изначально предложенную маркировку границ предложения. Последнее представится крайне важным, так как сохранение разметки позволит легко найти все случаи, в которых переводчик выбрал отличные от оригинала способы языковой “упаковки” содержания, касающиеся степени синтактико-семантической и/или графической самостоятельности соответствующих фрагментов текста. Так, выбранный в (8) способ перевода структуры *что “нет, не вывели”* не отражает ее гибридный характер. Подобные наблюдения могут представлять определенный интерес для теории перевода и исследований специфики нарратива в разных языковых и культурных традициях.

Перейдем к обсуждению предлагаемых в проекте принципов анализа различных переводческих стратегий на основе создаваемого корпуса параллельных текстов.

Основной сложностью перевода художественных произведений прошлого является, по видимому, проблема передачи нестандартных особенностей соответствующих текстов. Прежде чем решить с помощью каких языковых средств могут быть переданы те или иные конкретные места оригинала, переводчик должен уяснить для себя, ориентируется ли он на язык эпохи создания текста или на современный язык. Обращаясь к обсуждаемой ситуации, можно сформулировать эту дилемму следующим образом. Переводя “Идиота” на немецкий язык, переводчик должен понять, создает ли он текст, который будет восприниматься немецким читателем так же, как “Идиот” воспринималась современниками Достоевского или так, как он воспринимается сегодняшним носителем русского языка (ср. близкую по проблематике работу [2]). Ответ на этот вопрос предполагает выбор стратегии перевода.

В работах по теории перевода среди прочего выделяются коммуникативный перевод и противопоставленный ему по ряду параметров филологический перевод, называемый также “документальным”: [3, с. 21–23]. Коммуникативный перевод является самым распространенным типом. Это, так сказать, “нормальный” перевод, т. е. перевод, преследующий цель донести до адресата содержание исходного сообщения на языке L_1 средствами, максимально соответствующими нормам языка L_2 .

Цель филологического перевода, сформулированная Ф. Шлейермахером еще в первой половине XIX в. в рамках герменевтической традиции, состоит в том, чтобы максимально “приблизить читателя к автору” [4]. Если при этом порождается текст, изобилующий чуждыми реалиями, непривычными образами и даже определенными нарушениями узуальных конвенций языка L_2 , это рассматривается скорее как достоинство, нежели как недостаток, так как утверждается, что высшим критерием качества перевода является верность авторскому стилю и сохранение художественных особенностей оригинала. Известными поборниками филологического перевода были Х. Ортега-и-Гассет и В. Набоков. Естественно, что сферой применения филологического перевода оказываются исключительно художественные тексты, в особенности “канонизированные” литературные памятники.

Противопоставление коммуникативного и филологического переводов коррелирует с другой известной по специальной литературе оппозицией, а именно: *covert vs. overt translation*. *Covert translation* — это перевод, построенный так, чтобы читатель не ощущал, что перед ним не оригинальный текст, а перевод с другого языка. *Overt translation* — это такой текст на языке L_2 , по которому видно, что он переведен с другого языка.

Если при переводе художественной прозы Достоевского выбирается стратегия коммуникативного перевода (или близкая по целям стратегия *covert translation*), проблема передачи нестандартных особенностей текста оказывается неактуальной, так как цель перевода — построить максимально естественный текст на языке L_2 , в данном случае на немецком. При филологическом переводе (или при *overt translation*) должны быть найдены языковые средства, соответствующие особенностям русского оригинала. То, что это невероятно сложная задача, не подлежит сомнению. Но полный отказ от учета нестандартных особенностей текста приводит к искажению стилистики повествования, а в некоторых случаях даже к смысловым сдвигам. Видимо, при переводе столь известных и культурно значимых произведений, как “Идиот”, ориентация на чисто коммуникативные стратегии неприемлема, так как в результате порождается совершенно другой текст с аналогичным сюжетом (ср. [5])¹.

При переводе выражений, отклоняющихся от норм современного узуса, возникает дополнительная трудность. Современники Достоевского, по видимому, воспринимали тексты его произведений иначе, чем мы это делаем сегодня. Многие из того, что оценивается современным читателем как отклонение от нормы, было визуально допустимым (ср., например, такие словосочетания, как *брать меры, понимает себе цену, очень замечательный*). В принципе среди нестандартных выражений следует различать языковые структуры, соответствующие нормам того времени, и структуры, воспринимаемые современниками Достоевского как значимые отклонения от узуса. Последние должны обязательно учитываться при переводе, в то время как первые могут игнорироваться. Теоретически подобные соображения должны приниматься во внимание. Однако для последовательной реализации переводческих стратегий, ориентированных на подобные цели, необходимы глубокие предварительные исследования. Следует знать, какие элементы текста воспринимались современниками Достоевского как стандартные и нейтральные, какие вызвали дополнительные ассоциации, а какие (возможно, будучи стандартными сегодня) относились к области нестандартного употребления языка². Далее, в языке L_2 должны быть найдены соответствующие параллели. Подобная задача настолько трудновыполнима, что ее можно оставить за рамками обсуждения.

Сопоставляя две базовые стратегии перевода, важно иметь в виду, что различия между ними

¹ Впрочем, на этот счет существует и другая точка зрения, например, [6, с. 176].

² Работа над созданием Словаря Достоевского, осуществляемая в Институте русского языка РАН под руководством Ю. Н. Караулова, приближает нас к решению этой задачи. Тем не менее, в данный момент однозначные ответы на подобные вопросы получить не удастся.

носят градуальный характер. Трудно себе представить перевод известного художественного текста прошлого, ориентирующийся исключительно на “коммуникативные” или же “филологические” установки. Тем не менее, вполне возможно проследить определенные тенденции, что, в свою очередь, позволяет выдвигать осмысленные гипотезы о влиянии культурно-исторического контекста на предпочтении той или иной переводческой стратегии. Для этого сначала необходимо предложить некие релевантные для соответствующих типов перевода лингвистические параметры. Иными словами, прежде чем попытаться ответить на интересующий как литературоведов, так и специалистов по теории перевода вопрос, почему один и тот же текст переводился в разные периоды столь различными способами и как это связано с теми или иными общекультурными установками, необходимо выработать критерии, дающие возможность отнести каждый конкретный перевод к соответствующему типу. При этом необходимо иметь инструмент, позволяющий осуществлять быстрый поиск искомой информации и одновременное обращение к нескольким переводам в их сопоставлении с оригиналом, поэтому предпосылкой для решения подобных задач и получения эмпирически достоверных результатов является наличие корпусов параллельных текстов, включающих наряду с текстом оригинала, по меньшей мере, два его перевода на L_2 .

Представляется возможным (по крайней мере, в качестве рабочей гипотезы) определить для каждого литературного текста некоторые “реперные точки” — структуры, которые по своей природе требуют от переводчика нетривиальных решений. В подобных случаях переводчик должен выбрать между “отчужденной” версией (т. е. в принципе понятной читателю, но нарушающей узуальные нормы языка L_2) и “искажающей” версией (соблюдающей узуальные нормы языка L_2 , но отклоняющейся от оригинала). Мы предлагаем следующие “реперные точки” в качестве диагностических ориентиров при оценке доминирующей стратегии перевода:

- 1) нестандартное употребление лексических единиц, нарушение существующих норм сочетаемости;
- 2) нерегулярные синтаксические конструкции;
- 3) лексические единицы, особенно часто употребляемые данным автором (излюбленные слова);
- 4) коллокации и типичные для данного автора (большей частью, несвободные) словосочетания;
- 5) идиомы и конвенциональные метафоры;
- 6) авторские метафоры;
- 7) культурно-специфичные элементы, в том числе личные имена, титулы, формы обращения и т. п.

Приведем пример. В первой сцене романа Рогожин обращается к князю Мышкину со следующим вопросом (9).

- (9) И небось в этом узелке вся ваша суть заключается? (дословно по-немецки: *Und dieses Bündel enthält wohl Ihr ganzes Wesen?*)

С лингвистической точки зрения (как, впрочем, и с точки зрения литературоведческого анализа художественного текста), перевод подобных высказываний представляет наибольший интерес, поскольку они обладают семантической амбивалентностью. С одной стороны, понятно, что Рогожин

имеет в виду, в первую очередь, пожитки князя Мышкина. С другой стороны, явно нестандартный способ выражения этой мысли (слово *суть* не имело значения ‘имущество’) открывает дополнительный ассоциативный ряд, сохранение которого в переводе — одна из основных задач переводчика (если, конечно, преследуются цели филологического, а не чисто коммуникативного перевода). Немецкие версии романа предлагают следующие переводы этого фрагмента текста (10) — (22) (см. Приложение).

- (10) Und in dem Bündel ist vermutlich all Ihr Hab und Gut verborgen? [Scholz, 1901 г.]
- (11) Und dieses Bündel da enthält wohl alles, was Sie besitzen? [Brauner, 1908 г.]
- (12) Und dieses Bündel enthält natürlich Ihr ganzes Hab und Gut? [Rahsin, 1910 г.]
- (13) Und dieses Bündelchen enthält wohl Ihre ganze Habe? [Röhl, 1923 г.]
- (14) Und nicht wahr, in dem Bündelchen da ist Ihr ganzes Sein beschlossen? [von Walter, 1925 г.]
- (15) Und in diesem Paket haben Sie wohl Ihre ganze irdische Habe? [Herzog, 1925 г.]
- (16) Und in diesem Bündel haben Sie wohl Ihr ganzes Hab und Gut? [Luther, 1959 г.]
- (17) Dann enthält wohl auch dies Bündelchen Ihr ganzes Gepäck? [Hoerschelmann, 1932 г.]
- (18) Und sicherlich enthält dies Bündelchen da wohl Ihre gesamte Habe? [Guenther, 1956 г.]
- (19) Und dieses Bündel enthält wohl Euer ganzes Hab und Gut? [Rahsin, 1959 г.]
- (20) Und haben Sie in diesem Paket Ihre ganze irdische Habe? [Urban, 1968 г.]
- (21) Enthält dieses Bündelchen etwa Ihre ganze Habe? [Herboth, 1986 г.]
- (22) Und in diesem Bündel ist wohl Ihr ganzes Hab und Gut? [Geier, 1996 г.]

Предложение (9) некорректно, с точки зрения лексической сочетаемости (по крайней мере, относительно современного узуса). С семантической точки зрения, оно амбивалентно и провоцирует нестандартные интерпретации. Из общей структуры диалога как пропозиционное содержание, так и иллюкативная сила вопроса Рогожина более или менее очевидны. Эти составляющие плана содержания высказывания передаются всеми рассматриваемыми переводами, тем не менее смысловая амбивалентность и ассоциативный потенциал высказывания в переводе пропадает. Из переводов (10) — (22) только один — перевод Райнхольда фон Вальтера, изданный в 1925 г. — отражает эти особенности оригинала: *Und nicht wahr, in dem Bündelchen da ist Ihr ganzes Sein beschlossen?* и приближается в данном конкретном случае к идеалам филологического перевода.

Приведенный пример иллюстрирует использование первого из предлагаемых параметров — нестандартное употребление лексических единиц, нарушение существующих норм сочетаемости. Не имея здесь возможности остановиться на всех диагностических ориентирах переводческих стратегий, приведем один пример на перевод коллокаций.

Коллокации представляют наиболее чистый случай лексической сочетаемости, т. е. сочетаемости слов, не (полностью) мотивируемой их значениями и, соответственно, не выводимой из их толкований (ср. [7]). Коллокации не только противятся варьированию своих компонентов, но и часто сохраняют в своем составе уникальные элементы, например: *радость обуяла, закадычный друг,*

заклятый враг, проливной дождь (см. подробнее [8])³. Уникальность периода, к которому относятся рассматриваемые здесь тексты, состоит в том, что нормы лексической сочетаемости, в том виде, в каком они известны сегодня, находились в процессе становления. Большинство коллокаций, встречаемых в текстах того времени, видимо, являлись непосредственными кальками с французского. Многие из них сохранились в этом виде до наших дней, другие модифицировались; ср. (23).

(23) Так как и сам Тоцкий *наблюдал* покамест, по некоторым особым обстоятельствам, чрезвычайную *осторожность* в своих шагах и только еще сондировал дело, то и родители предложили дочерям на вид еще самые отдаленные предположения.

Сегодня говорят не *наблюдать осторожность*, а *соблюдать осторожность*. Интересно, что глагол *наблюдать* в целом встречался в текстах XIX в. в составе коллокаций существенно чаще, чем сегодня. В подобных случаях этот глагол употреблялся в значении 'соблюдать, следовать', которое зафиксировано, например, в "Словаре языка Пушкина". Интересно, что французский глагол *observer*, который, видимо, и лег в основу соответствующих коллокаций, сохранил сегодня оба значения 'наблюдать' и 'соблюдать, следовать' (ср. подробнее [10, 11]). В переводах Хербота (24) и Гайер (25) нетривиальные особенности коллокации оригинала не сохранились (см. Приложение).

(24) Da jedoch Tozki selbst, gewisser besonderer Umstände wegen, vorerst nur sehr *behutsame Schritte unternahm* [буквально: *предпринимал осторожные шаги*] und zunächst noch sondierte, äußerten sich auch die Eltern vor ihren Töchtern nur in vagen Andeutungen. [Herboth, 1986 г.]

(25) Da Tozkij selbst auf Grund ganz besonderer Umstände außerordentlich *vorsichtig voringing* [буквально: *действовала осторожно*] und die Verhältnisse einstweilen bloß sondierte, stellten auch die Eltern ihren Töchtern einstweilen nur die allerentferntesten Möglichkeiten in Aussicht. [Geier, 1996 г.]

Естественно, трудно ожидать, чтобы нестандартные для современного узуса коллокации переводились буквально. Дословный или близкий к дословному перевод элементов текста, изменивших свое значение, и тем более компонентов устойчивых словосочетаний, в большинстве случаев приводит к неадекватным результатам. Наблюдение над различными способами перевода нестандартных коллокаций интересно скорее с позиций выбора из числа альтернатив, предоставляемых современным узусом L₂. Каждый из альтернативных способов перевода фокусирует тот или иной аспект высказывания; так, *behutsame Schritte unternehmen* существенно отличается от *vorsichtig vorgehen*. В первом случае ситуация представляется как набор последовательных действий, ведущих к достигнутой цели, а во втором — как способ поведения в целом, что, видимо, в большей степени соответствует

смыслу русского выражения *наблюдать осторожность*.

Хотя понятно, что удачные примеры дословного перевода подобных коллокаций крайне редки и возможны только благодаря более или менее случайным параллелям в развитии сопоставляемых языков, в данном конкретном случае мы как раз имеем дело с подобным исключением. В принципе возможен и буквальный перевод глагола *наблюдать* в составе соответствующих коллокаций, т. е. его перевод с помощью немецкого глагола *beobachten* (так же, как и русский глагол *наблюдать* не имеющий сегодня значения 'соблюдать, следовать'). В "Пиковой даме" встречается коллокация *наблюдать этикет*; ср. *У себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет*. В переводе Каа Боровского лексический состав этой коллокации полностью сохранен (*Sie empfing bei sich die ganze Stadt und beobachtete streng die Etikette*), что возможно, поскольку немецкий глагол *beobachten*, употребляющийся сегодня в значении 'наблюдать', в XIX в. употреблялся и в составе коллокаций, являвшихся кальками французских выражений с глаголом *observer*.

* * *

В статье были представлены предварительные результаты проекта по созданию русско-немецкого корпуса параллельных текстов. В своей "пилотной фазе" проект осуществляется на материале романа Ф. М. Достоевского "Идиот" и трех его немецких переводах. Тексты переводов согласованы с оригиналом на уровне отдельных предложений, что в данном случае представляется наиболее адекватным способом выравнивания. Обилие нестандартных синтаксических структур создает существенные трудности при членении текста на предложения, поэтому в качестве самостоятельной проблемы решалась задача выработки определенных принципов членения, единых для оригинала и переводов.

Одним из возможных путей использования создаваемого корпуса в исследовательских целях является изучение на его материале различных переводческих стратегий. В работе предложен способ частичной операционализации понятия стратегии литературного перевода. В рамках проекта предполагается продолжить исследования в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Biber H., Breiteneder E., Dobrovolskij D. Corpus-Based Study of Collocations in the AAC // Proceedings of the Tenth EURALEX International Congress.— Copenhagen: CST, 2002.— Vol. 1.— P. 85–95.

2. Гак В. Г. Пушкинская проза и ее французский перевод // Вестн. МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.— 1999.— № 2.— С. 18–29.

³ С другой стороны, и здесь могут быть найдены примеры определенной динамики. Ср. наблюдение Е. А. Земской [9, с. 239–340], согласно которому в устной речи эмигрантов первой волны встречается коллокация *ставить вопрос*, вместо обычного сегодня *задавать вопрос*. Интересно, что и словарь Ушакова трактует эти выражения как полные синонимы, притом что в современном языке выражение *ставить вопрос* (видимо, калька с французского *poser une question*) явно маркировано стилистически. Таким образом, в отдельных случаях нормы в сфере коллокаций меняются буквально на наших глазах, что, однако, не отменяет принципиальной стабильности коллокаций, их сопротивления свободным лексическим заменам. Например, употребляемый как Пушкиным и его современниками, так и более поздними авторами (например, Львом Толстым) оборот *делать вопрос* в современной речи совершенно невозможен.